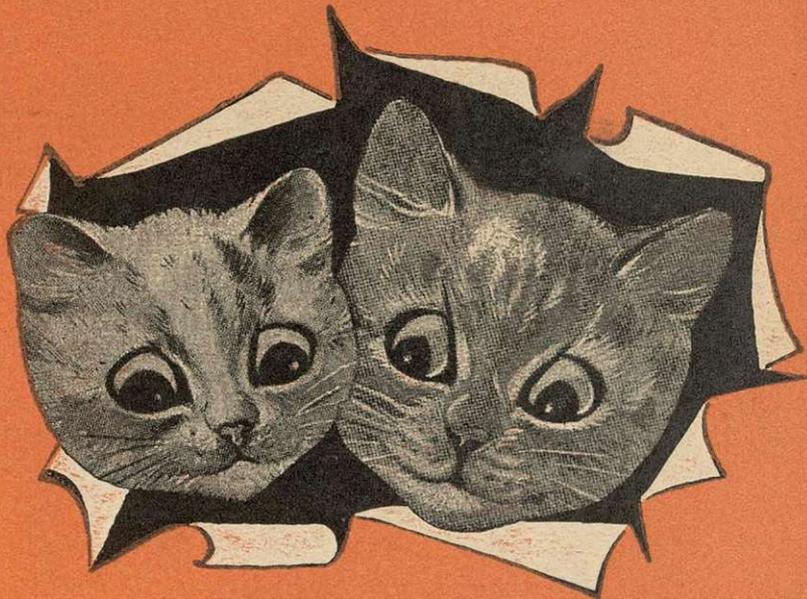

№ 20

АВГУСТЪ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КОШКА И СОБАКА.
ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.
ЗАМАРАШКА (разсказъ).
ПТИЧКА.
ПОДКИДЫШЪ (повѣсть).

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дамскій шарбанъ 1800 года—
для склеиванія (продолженіе).
„Въ Дѣтской“—статьи для родите-
лей по уходу за здоровымъ и

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Внизу стоялъ Франтикъ и лаялъ.

КОШКА И СОБАКА.

Маминъ братъ, нашъ дядя, подумаль и задалъ такой вопросъ:

— Отчего это такъ? Въ то время какъ вся кошачья порода, какъ на-примѣръ львы, тигры и леопарды, пользуется среди людей расположеніемъ, а вся собачья, какъ напр., волки и шакалы, даже ненавистью,—собаки у насъ пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ, чѣмъ кошки?

— У меня уже и отвѣтъ готовъ на это, отвѣтилъ ему нашъ папа. Попавши къ человѣку и сдѣлавшись ручной, кошка потеряла всѣ свои лучшія качества, а собака, наоборотъ, развила ихъ и стала еще умнѣе, чѣмъ была на волѣ.

— А я такъ думаю, что ты неправъ, возразилъ ему дядя. Мы считаемъ собаку честнымъ товарищемъ, а кошку лѣнивымъ и вороватымъ созданиемъ только потому, что собака умѣетъ хвастаться и вилять хвостомъ, тогда какъ кошка настолько уважаетъ свое достоинство, что всегда старается показать себя хуже, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Я люблю кошекъ и въ подтвержденіе своихъ словъ разскажу сейчасъ тебѣ одну исторію, которой свидѣтелемъ былъ я самъ.

Я гостилъ у своего брата въ деревнѣ, гдѣ у него была прелестная собачка Франтикъ; это была плутоватая, дерзкая собаченка, считавшая

себя хозяиномъ во всей усадьбѣ. Она подозрѣвала всѣхъ и каждого и совала свой носъ повсюду, гдѣ ее спрашивали и не спрашивали. Ни одинъ прохожій не могъ пройти мимо, чтобы она не заворчала или не залаяла на него, а уличные мальчишки прямо трепетали ея, такъ какъ, виляя передъ ними хвостомъ, она иногда хватала ихъ исподтишка прямо за икры. Я сразу же понялъ эту собаку и собака поняла меня. Она догадалась, что я угадалъ въ ней хвастунишку и не влюбила меня за это съ первой же минуты. Я часто указывалъ своему брату, что Франтикъ—простой актеръ, потому что при первомъ же сопротивленіи ему, хотя-бы то была даже муха,—онъ терялся и тотчасъ-же ошетинивалъ свою шерсть. И всякій разъ когда я обращалъ въ такихъ случаяхъ на него вниманіе моего брата, Франтикъ, ворчалъ, затѣмъ скулилъ и наконецъ выходилъ изъ комнаты съ такимъ виноватымъ видомъ, что братъ часто обижался на меня и давалъ мнѣ понять, что нехорошо оскорблять въ собакѣ такія возвышенныя чувства, какъ гордость.

На это я отвѣчалъ такъ:

— Я увѣренъ, что если пробѣжитъ сейчасъ мышь, то этотъ твой хвастунишка испугается ее и убѣжитъ, какъ заяцъ. Онъ такъ съу-

мѣлъ васъ всѣхъ собою очаровать, что вы вѣрите въ одни только его хорошія качества и вовсе даже и не замѣчаете дурныхъ.

Но убѣдить брата было нельзя. Онъ такъ былъ увѣренъ въ удивительныхъ качествахъ своей собаки, что лучше ея для него не существовало никакой другой. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока моей невѣсткѣ, его женѣ, не прислали въ подарокъ великолѣпнаго персидскаго кота.

Котъ этотъ пріѣхалъ въ наглухо закрытой корзинѣ, пропутешествовавъ цѣлый день, и несомнѣнно его нервы были очень напряжены, потому что когда его вытащили изъ корзины и положили на колѣни къ моей невѣсткѣ, которая хотѣла дать ему поѣсть и онъ услышалъ вдругъ лай Франтика, нарочно запертаго въ кабинетѣ, то онъ пустился вдругъ бѣжать, шмыгнувъ въ сосѣдную комнату и скрылся тамъ гдѣ-то подъ диваномъ. Между тѣмъ Франтикъ сталъ царапаться и рваться вонъ изъ кабинета и при этомъ лаялъ ужасно. Я всегда полагалъ, что каждое животное говоритъ посвоему, и потому мнѣ казалось, что Франтикъ старался кричать слѣдующее:— «Что это? У насъ появились кошки? Прочь ихъ! Гоните ихъ вонъ изъ дому! Дайте это сдѣлаю я! Или она, или я!»

Мой братъ сталъ успокаивать собаку.

— «Уймись, Франтикъ, говорилъ онъ.—Такъ должно бытъ. Вы будете съ этой кошкой большими друзьями».

Вечеромъ произошла сцена, которой я былъ свидѣтелемъ и которая пролила совсѣмъ новый свѣтъ на дѣло. Я вошелъ въ гостиную въ самый тотъ моментъ, когда тамъ не было никого. Котъ, котораго называли Шахомъ, поѣвъ и попивъ, отдышалъ теперь на диванѣ, прищуривъ глаза и мурлыча. Я погладилъ его и онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ, что сталь тереться своей головой о мою руку. Мы совсѣмъ уже стали съ нимъ друзьями, какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ Франтикъ и, завидя Шаха, раскрылъ пасть и со всего размаха съ лаемъ бросился къ коту.

— А ну-ка, Шахъ, обратился я къ кошкѣ,—покажи ему, гдѣ раки зимуютъ! Задай-ка ему встрѣпку!

Между тѣмъ Франтикъ стоялъ передъ диваномъ и продолжалъ лаять. Конечно, онъ легко могъ вскочить на диванъ и, улучивъ моментъ, вступить съ кошкой въ отчаянную борьбу, но онъ постарался сдѣлать видъ, что диванъ для него слишкомъ высокъ.

Вдругъ Шахъ, съ равнодушіемъ смотрѣвшій на него, зѣвнулъ, потянулся и принялъ сидячее положеніе. Собака принялась еще пуще лаять. Шахъ слегка повелъ своимъ лѣвымъ ухомъ, точно хотѣлъ этимъ сказать:

— «Да перестань ты производить такой шумъ!»

— «Я только тогда перестану, казалось, отвѣчалъ ему Франтикъ,—когда вонжу въ тебя мои зубы».

— «О, коли такъ, то изволь!» казалось, отвѣтилъ ему на это Шахъ.

И онъ зѣвнулъ, потрясся и сталъ дѣлать видъ, точно хочетъ сойти наполь.

Но едва только его намѣреніе стало яснымъ, какъ Франтикъ заложилъ уши, поджалъ хвостъ и со всѣхъ ногъ пустился вонъ изъ комнаты.

— Молодчина, Шахъ! сказалъ я.— Теперь тебѣ нечего бояться Франтика. Развѣ ты не видишь, что это хвастунишка?

Шахъ замурлыкалъ и, довольный, пересѣлъ ко мнѣ на колѣни. И это его мурлыканье было такъ понятно для меня, точно онъ говорилъ на человѣчьемъ языкѣ.

На слѣдующее утро я и братъ сидѣли въ кабинетѣ и разговаривали, какъ вдругъ случился сюрпризъ. Какъ разъ посрединѣ самаго разговора въ саду раздался страшный лай, такъ что мы оба подошли къ окошку. Отсюда мы увидѣли слѣдующее: Шахъ преудобно примостился на деревѣ и лежалъ на его развилкѣ точно вчера на диванѣ въ гостиной. Внизу стоялъ Франтикъ и лаялъ. Онъ бѣгалъ вокругъ дерева, вспрыгивалъ на его стволъ и дѣлалъ такой видъ, будто страстно хотѣлъ достать Шаха и загрызть его.

— «Сходи-же внизъ, казалось, лаялъ онъ кошкѣ.— Сходи, и я разорву тебя на мелкіе клочки. А не то я вспрыгну къ тебѣ самъ и тогда ужъ берегись!»

— «Да успокойся ты, пожалуйста! казалось, хотѣла отвѣтить ему кошка и шурила на собаку свои жел-

тые блестящіе глаза.— Дай мнѣ поспать!»

— «Сходи-же внизъ, когда говорятъ! настаивала собака.— Я разорву тебя на мелкіе части! Я научу тебя, какъ вторгаться въ чужіе домашніе какъ занимать чужое мѣсто! Если просиль тебя являться сюда?»

— «Пожалуйста, успокойся хоть немного, отвѣчала кошка,— а то и впрямь я принуждена буду сойти внизъ».

Франтикъ удвоилъ свои нападенія.

— «Такъ сходи-же!» кричалъ онъ.— Я покажу тебѣ, какъ собаки разрываютъ кошекъ въ клочки. Я давно уже ожидаю тебя!»

— «Да вѣдь я отлично понимаю, отвѣчалъ Шахъ, потягиваясь,— что все это ты затѣялъ только для того, чтобы обратить на себя вниманіе своего хозяина, который глядитъ на тебя изъ окна. Съ нимъ вмѣстѣ глядитъ еще и другой господинъ, но вѣдь для него ты не сталь-бы поднимать такого шума»...

— Франтикъ очень возбужденъ! обратился ко мнѣ братъ.— Хотя кошка и больше его, но онъ ея не боится; вообще онъ не боится ничего. Франтикъ, возьми кошку, возьми! С-с-с-с! Кошка! Кошка!

— Я не позавидую Франтику, сказалъ я,— если кошка сойдетъ внизъ.

— Ну, кошка не такъ глупа, чтобы сойти внизъ! засмѣялся братъ.— Все, что она можетъ сдѣлать, это нанести Франтику двѣ-три царапины, тогда какъ собака...

— Шахъ! крикнулъ я, — сходи внизъ и научи Франтика вѣжливости!

— Смотри, онъ сходитъ! воскликнулъ братъ. — Франтикъ, Франтикъ, назадъ! Иди сюда! Ты не долженъ лишать жизни эту кошку; моя жена никогда не проститъ тебѣ этого! Иди-же сюда скорѣй!

Франтикъ дѣйствительно замѣтилъ, что кошка собирается сходить внизъ. Онъ облизывалъ себѣ губы и велъ себя такъ, точно исполнялось лучшее желаніе его жизни. Однако, громко лая, онъ тѣмъ не менѣе сталъ съ безпокойствомъ оглядываться по сторонамъ, какъ-быища убѣжища, куда-бы онъ въ случаѣ надобности могъ улизнуть. Голосъ его хозяина послужилъ для него ободреніемъ. Онъ обернулся, поднялъ уши и высоко задралъ хвостъ, точно хотѣлъ сказать:

— «Погоди, хозяинъ, только полминуточки! Дай мнѣ покончить съ этой кошкой! Я сейчасъ! Не мѣшай мнѣ!»

И онъ такъ долго это говорилъ и такъ долго простоялъ отвернувшись такимъ образомъ, что Шахъ успѣлъ за это время соскочить на землю и медленно уйти по травѣ къ дому. Тогда Франтикъ снова бросился къ дереву, сталъ лаять и удвоилъ нападенія. Какъ вдругъ, увидѣвъ, что на деревѣ уже нѣтъ никого, онъ побѣжалъ къ брату и сталъ вилять передъ нимъ хвостомъ.

— «Ну, вотъ видишь, хозяинъ», казалось, сталъ онъ ему говорить, —

«я-бы и радъ былъ разорвать эту кошку, да что дѣлать, если она такая трусиха, что убѣжала незамѣтно!»

Но въ это время Франтикъ снова увидѣлъ Шаха, который медленною походкою шествовалъ по травѣ. Съ громкимъ лаемъ, не обращая вниманія на крики своего хозяина, онъ бросился за кошкой. И дѣйствительно, стало казаться, что онъ причинитъ ей зло. Но неужели-же я ошибся? Неужели Шахъ дѣйствительно испугается этой хвастливой собаченки?

Но не тутъ-то было! Шахъ вовсе не спѣшилъ. Онъ позволилъ Франтику подойти къ нему очень близко и вдругъ неожиданно повернулся къ нему лицомъ.

— «Ты хочешь пощечины?» казалось, спросилъ онъ его. — «Такъ изволь!»

И, размахнувшись правой передней лапой и выпустивъ изъ нея когти, онъ ударилъ ею прямо по мордѣ Франтика. Франтикъ завизжалъ. Затѣмъ роли перемѣнились. Со всѣхъ ногъ Франтикъ пустился бѣжать прямо по клумбамъ и цвѣтамъ въ кусты, а Шахъ гнался за нимъ по пятамъ. Въ кустахъ, уже невидимо для насъ, произошло сраженіе. Я не могу точно сказать, что тамъ произошло, но было несомнѣнно, что кошачья порода восторжествовала надъ собачьей, такъ какъ Франтикъ вернулся домой съ разцарапанной мордой и съ поджатымъ хвостомъ и отъ стыда не смѣлъ глядѣть намъ въ глаза.

Шахъ-же вель себя такъ, точно ничего и не случилось. Онъ не хвастался передъ нами своей побѣдой, а сѣлъ опять на то-же самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ и раньше, и не обращалъ уже вниманія ни на кого.

Съ этого дня мой братъ сталъ уважать кошачью породу. Его привязанность къ Франтику осталась та-же, но уваженія къ нему стало меньше. Онъ уже не удивлялся уму и храбрости этой собаки, а наобо-

ротъ—сталъ относиться къ ней съ сожалѣніемъ.

— Бѣдняга! часто говорилъ онъ, проводя рукой по ея спинѣ.—Тебя обидѣли! Тебѣ чуть не выпарапали глаза!..

И нужно было видѣть Франтика, какъ онъ вдругъ сталъ поджимать хвостъ и съ какимъ жалкимъ видомъ сталъ убѣгать изъ комнаты, когда въ ней вдругъ появлялся Шахъ.

Н.

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.

Туманны дни, ненастны ночи,
Упорный дождь стучитъ въ окно,
Ходить въ лугахъ, въ лѣсу, нѣтъ мочи...
Въ поляхъ все убрано давно.

Мрачна природа и тосклива,
Еще тоскливѣе въ груди...
Мы лѣто прожили счастливо,
А что-то ждетъ насъ впереди?

О, впереди зима съ снѣгами,
Катанье съ горъ и на конькахъ,
Морозы, Святки со сладостями
И елка въ яркихъ огонькахъ!..

Кузнечикъ.

ЗАМАРАШКА.

(Разсказъ).

Боря и Марочка ни разу въ жизни не выѣзжали изъ Петербурга. Матери у нихъ не было, а отецъ служилъ на такомъ мѣстѣ, при которомъ полагалась казенная квартира. При квартирѣ былъ большой садъ, поэтому на дачу не выѣзжали вовсе. Отецъ, Ѳедоръ Егорычъ, уходилъ на

службу рано и возвращался поздно, и все хозяйство лежало на рукахъ у бонны Елизаветы Христіановны. Бонна учила дѣтей нѣмецкому языку и играла съ ними въ прятки, когда случались свободные вечера, или читала имъ вслухъ про животныхъ и про людей. Боря и Марочка отлично знали

по картинкамъ всѣхъ звѣрей и птицъ, но сроду не видали живой коровы и даже живого пѣтуха, а про пастуховъ и пастушекъ думали, что они ходятъ въ бархатныхъ костюмахъ и въ чулкахъ и что на головахъ у нихъ соломенные широкополыя шляпы, отдѣланныя лентами, точь въ точь, какъ на картинкахъ въ нѣмецкихъ книжкахъ для послушныхъ дѣтей. Когда Елизавета Христіановна читала о крестьянахъ, то дѣти воображали себѣ деревни, въ которыхъ они живутъ. Въ деревняхъ такіе дома, какъ въ первомъ актѣ оперы «Жизнь за Царя», на которую ихъ какъ-то возилъ папа, и всѣ крестьяне ходятъ въ вышитомъ крестиками бѣльѣ и утираются полотенцами съ вышитыми на нихъ пѣтушками и лошадами.

Однимъ словомъ, это были настоящія петербургскія дѣти, которыя видятъ животныхъ только въ книжкахъ, да на вывѣскахъ мясныхъ лавокъ или-же у разносчиковъ и то въ битомъ видѣ. Говорили они вяло, монотонно, и задавали-ли они вопросъ, жаловались-ли они или восторгались, они всегда тянули одну ноту и говорили всѣ фразы однимъ и тѣмъ-же тономъ.

Какъ-то въ самомъ началѣ мая Елизавета Христіановна получила отъ своей матери изъ Курляндіи письмо, въ которомъ та сообщала ей, что ея младшая сестра выходитъ замужъ за учителя Карла Мартыновича, и что скоро будетъ свадьба.

Елизавета Христіановна обрадовалась, засуетилась и стала собираться

къ сестрѣ на свадьбу. Но какъ бросить дѣтей однихъ? Думали они, думали съ Ѳедоромъ Егорычемъ и рѣшили сдѣлать такъ: у Ѳедора Егорыча была дальняя родственница, сестра милосердія, Анфиса Ивановна. Она была бѣдна, жила своимъ трудомъ и всю свою жизнь проводила около больныхъ, въ больницахъ, или-же прямо поступала въ частные дома сидѣлкой, гдѣ съ нею всегда скверно обращались.

— Позову-ка я къ дѣтямъ ее, сказалъ Ѳедоръ Егорычъ,—и пусть она будетъ около нихъ!

Скоро въ домѣ появилась сестра милосердія, а Елизавета Христіановна, послѣ многихъ аховъ, оховъ, вздоховъ и слезъ, уѣхала къ себѣ въ Курляндію.

Но Анфиса Ивановна умѣла ухаживать только за больными, хозяйства вовсе не знала,—и все пошло такъ не складно, что дѣти скоро заскучали и въ домѣ появился беспорядокъ. Къ тому-же она была такъ робка, что боялась дворника и кухарки, и не умѣла играть съ дѣтьми въ прятки.

— Папа, намъ скучно съ ней! жаловались Ѳедору Егоровичу дѣти.— Найми къ намъ кого-нибудь другого! Она намъ не читаетъ, не рассказываетъ и не бѣгаетъ съ нами по комнатамъ.

Папа посмотрѣлъ на Борю и Марочку, вздохнулъ и погладилъ ихъ по головѣ.

— Хорошо, сказалъ онъ,—я подумаю!

А поѣздъ все бѣжалъ и бѣжалъ...

У Ѳедора Егорыча былъ братъ Константинъ Егорычъ. У него было маленькое имѣнiе въ Крыму и онъ жилъ тамъ постоянно. Онъ былъ крестнымъ отцомъ Марочки и уже давно приглашалъ дѣтей къ себѣ въ Крымъ погостить, да все никакъ нельзя было ихъ туда отправить.

На этотъ разъ Ѳедоръ Егорычъ написалъ брату письмо, что посылаетъ къ нему дѣтей погостить и просить его оказать имъ родственнiй прiемъ. А такъ какъ въ Ялтѣ всегда очень много больныхъ, писалъ онъ, то не можетъ-ли его братъ прiискать у кого-нибудь мѣстечка и для Анфисы Ивановны; тогда дѣти поѣхали-бы въ Крымъ не одни, а съ сестрой милосердiя.

Скоро отъ Константина Егорыча пришелъ отвѣтъ, что онъ и его жена, тетя Саша, съ нетерпѣнiемъ ждутъ прiѣзда дѣтей и встрѣтятъ ихъ съ распростертыми объятiями; отпускать ихъ въ такой дальнiй путь однихъ, писалъ онъ, — нельзя, а пусть лучше они ѣдутъ вмѣстѣ съ Анфисой Ивановной, для которой хотя еще мѣста и не нашлось, но по всей вѣроятности скоро найдется.

Ѳедоръ Егорычъ собралъ дѣтей и Анфису Ивановну, которую тоже нужно было собирать, усадилъ ихъ въ вагонъ, перекрестилъ ихъ и проводилъ ихъ въ путь.

— Прощайте, дѣти! кричалъ онъ имъ вслѣдъ. — Скажите дядѣ, чтобы онъ написалъ! Кланяйтесь тетѣ!

— До свиданiя, папочка! въ свою очередь кричали ему въ отвѣтъ дѣти. — Пиши намъ! Будь здоровъ!

Но скоро папа скрылся у нихъ изъ виду, потянулись поля и лѣса и замелькали станцiи и желѣзнодорожныя будки. Все это было ново для дѣтей, неожиданно и полно такого интереса, что они скоро забыли объ отцѣ и Петербургѣ и, высунувшись изъ окна вагона, все глядѣли и глядѣли.

— Ахъ, какой хорошенькiй лужокъ! вдругъ вскрикивалъ Боря, такимъ тономъ, точно отвѣчалъ урокъ. — Какъ-бы я желалъ тамъ побѣгать!

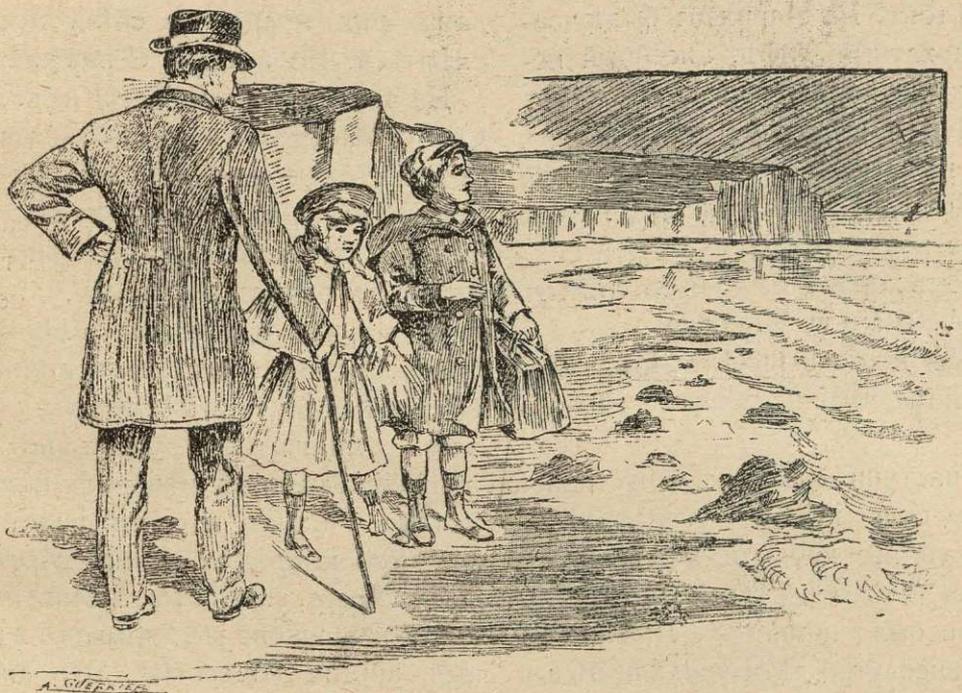
И увидѣвъ вдругъ теленка, они оба бросались къ Анфисѣ Ивановнѣ и,

полные удивленія, кричали на весь вагонъ:—

— Теленокъ! Теленокъ! Маленькая коровка!

А поѣздъ все бѣжалъ и бѣжалъ по долинамъ и черезъ лѣса, гремя и стуча на своемъ пути и широко разстилая дымъ по сторонамъ.

И пока онъ теръ себѣ глазъ, Марочка все задавала ему вопросы и задавала, то, почему именно идетъ поѣздъ, то о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя они проѣзжали. Анфиса Ивановна спала и такъ какъ некому было возражать, то Боря давалъ сестрѣ объясненія,

Послѣ обѣда дядя повелъ своихъ гостей гулять на берегъ моря.

Время шло, а дѣти все никакъ не могли оторваться отъ окна.

— Смотри! Боря, смотри! то и дѣло вскрикивала Марочка.— Видишь ты эти мельницы?

А Боря уже давно теръ себѣ лѣвый глазъ.

— Что-то попало... ворчалъ онъ.— Должно быть, кусочекъ уголька изъ локомотива...

несколько не задумываясь надъ тѣмъ, что говорилъ; но онъ и самъ вѣрилъ своимъ словамъ и ему казалось, что все, что онъ выдумывалъ, было чистѣйшей правдой.

— Скоро ты увидишь маленькихъ барашковъ, говорилъ онъ сестрѣ,— и пастуховъ и пастушекъ въ шелковыхъ чулкахъ и въ соломенныхъ шляпахъ.

— Развѣ они попадутся намъ по дорогѣ? спрашивала сестра.

— Конечно! Вѣдь ты читала нѣмецкую книжку съ картинками про пастушковъ и пастушекъ? Помнишь, какъ Шарлотта ѣхала къ своей тетѣ Эмили и встрѣтила по дорогѣ пастуха Ганса и пастушку Марихенъ, у которыхъ на головахъ были вѣнки изъ цвѣтовъ? На Марихенъ былъ черный бархатный лифъ, кисейный передникъ съ карманчиками и голубая юбочка немного ниже колѣнъ, а у Ганса въ рукахъ была соломенная шляпа съ широкими полями и на ней длинное павлинье перо.

— Вотъ хорошо было-бы встрѣтить такихъ!.. сказала Марочка.

— Мы и встрѣтимъ! отвѣтилъ Боря.—Проедемъ еще немного и встрѣтимъ!

Но наступилъ вечеръ, спустилась затѣмъ ночь и они улеглись спать, а поѣздъ все проходилъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ о пастухахъ и пастушкахъ не было и помину. Правда, на слѣдующее утро дѣти увидѣли цѣлыя стада барановъ и коровъ, но ихъ стерегли разные Ваньки и Гришки, или же старые мужики, одѣтые въ такія рубища, что ихъ можно было принять за нищихъ.

— Гдѣ-же барашки и козлятки? спрашивала у Бори Марочка,—гдѣ пастушки въ бархатныхъ лифахъ и въ кисейныхъ передникахъ?

Но Боря и самъ ужъ не могъ объяснить себѣ этой загадки и на этотъ разъ ужъ молчалъ.

Послѣ Харькова потянулись степи, показавшіяся дѣтямъ очень скучными, затѣмъ опять ночь въ вагонѣ и, наконецъ, ясное утро и поѣздъ то и-дѣло влетаетъ въ туннели и вылетаетъ изъ нихъ наружу. Сначала это казалось дѣтямъ очень страшнымъ, а затѣмъ они привыкли къ темнотѣ подъ землею и къ рѣзкимъ переходамъ отъ мрака къ свѣту и стали смѣяться. Но вотъ и Севастополь.

На вокзалѣ встрѣчаетъ ихъ дядя. Онъ вбѣгаетъ къ нимъ въ вагонъ, хватается каждаго изъ нихъ на руки, прижимаетъ къ сердцу и цѣлуетъ. Затѣмъ они выходятъ на улицу, садятся въ экипажъ и долго, по пыльному шоссе, ѣдутъ къ дядѣ на хуторъ. Солнце печетъ неумолимо, кругомъ такая скучная мѣстность, что дѣтямъ становится грустно, но вотъ экипажъ дѣлаетъ поворотъ направо, потомъ налево, и дѣти видятъ передъ собою широкое синее море. Внизу, у берега, виднѣется зелень, изъ-за которой ласково выглядываютъ красныя крыши построекъ. Это дядинъ хуторъ. Экипажъ начинаетъ спускаться внизъ, къ морю, и дѣти никакъ не могутъ надышаться свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ, доносящимся со взморья, а когда они приѣзжаютъ на хуторъ, то изъ дверей дома выбѣгаетъ тетя и отъ радости начинаетъ плакать... Дѣтямъ кажется страннымъ, какъ это взрослый человекъ можетъ плакать.

— Милые мои!.. всхлипывала тетя,—дорогіе! Сироточки мои драго-

цѣнные! Боря-то, Боря, какой выросъ большой! Давно-ли я на рукахъ его носила!

Послѣ обѣда дядя повелъ своихъ гостей гулять на берегъ моря. Заходило солнце, было прохладно и волны тихо подкатывались почти къ самымъ ногамъ. Боря собиралъ раковины и камушки, для чего взялъ съ собой цѣлый чемоданъ, а Марочка никакъ не могла налюбоваться моремъ.

— Вотъ погодите, дѣти, сказалъ имъ дядя, — у меня есть отличная лодка изъ-за-границы и мы покатаемся на ней по взморью!

Но дѣти уже устали, имъ хотѣлось спать и когда пришли домой ужинать, то гослѣ двухъ-дневнаго непривычнаго пути Марочка положила головку на локти и уснула прямо за столомъ.

— Не тревожь ее, пусть спитъ!.. обратилась тетя къ дядѣ. — Сейчасъ мы ее уложимъ въ постель...

И, кликнувъ старушку-няню, которая вынянчила еще самого дядю, она подняла тихонько со стула Марочку и передала ее нянѣ.

— Тссс!.. шепнула она. — Тише!.. Не разбуди ее, Александровна!

Такъ Марочка и не помнила, какъ ее уложили въ постель и какъ раздѣли.

Рано утромъ Боря уже стучался къ ней въ дверь.

— Вставай, засоня, кричалъ онъ, — пора уже идти гулять!

— А который часъ? спросила Марочка, едва имѣя силъ открыть глаза.

— Уже шесть часовъ! Дядя и тетя

уже проснулись! Всѣ на хуторѣ уже встали!

— Мнѣ хочется спать...

— Ничего, вставай!.. Ты пересиль себя, оно и пройдетъ!

Марочкѣ ужасно хотѣлось опять укрыться простынею съ головой и снова продолжать видѣть тотъ-же сонъ, но это у нея не вышло, къ тому-же съ берега доносилось шипѣнье волнъ и ей захотѣлось поглядѣть на море.

Она вскочила, одѣлась, умылась и вотъ она готова.

Въ столовой уже ожидалъ ее Боря и, взявшись за руки, оба они кратчайшей тропинкой побѣжали къ морю. Здѣсь, у маленькой пристани, они увидѣли дядю. Онъ копался около лодки съ рыболовными принадлежностями и что-то объяснялъ рыбаку. Очевидно, онъ посылалъ его на ловлю въ море.

— Не будемъ его беспокоить! сказалъ Боря. — Мы поздороваемся съ нимъ за чаемъ.

На тощей травкѣ паслось нѣсколько коровъ и овецъ. При приближеніи къ нимъ дѣтей, съ земли вскочила собака и злобно зарычала.

— Кутька! На мѣсто! вдругъ слышался чей-то голосъ.

И дѣти увидѣли дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, которая стояла опершись о каменную ограду, отдѣлявшую пастбище отъ насажденій. Она была смугла отъ загара и ноги ея были грязны отъ пыли. Руки у нея были загорѣлыя и видно было по нимъ, что кромѣ

пастьбы скота она исполняла еще и цѣлый рядъ работъ. Увидѣвъ дѣтей, она подошла къ нимъ и ласково имъ улыбнулась.

— Здравствуйте! сказала она имъ.

— Кто это? спросила у Бори Марочка.

Боря оглядѣлъ дѣвочку съ головы до ногъ.

Съ земли вскочила собака и злобно зарычала.

— Это пастушка!.. отвѣтилъ онъ.

— Не можетъ быть! Пастушки не такъ одѣты! У нихъ бархатные лифчики и кисейные передники съ карманчиками...

— Такъ спрости у нея сама!

Не получивъ отвѣта на привѣтствіе и смутившись, пастушка отступила назадъ. Въ этотъ самый моментъ изъ-за угла вдругъ показался дядя.

— Такъ рано! крикнулъ онъ дѣтямъ.— Уже на ногахъ! Вотъ такъ молодцы! Ай, да петербуржцы! Ну, здравствуйте! Какъ спали?

И, поцѣловавъ дѣтей въ обѣ щеки и въ глаза (это было его манерой), онъ подозвалъ къ себѣ пастушку.

— Оеня, подойди сюда! сказалъ онъ ей.

И когда она подошла, онъ обратился къ дѣтямъ:

— Ну-съ, племянники, сказалъ онъ,—рекомендую вамъ вотъ эту Оеню! Она очень милая, работающая дѣвочка и будетъ вамъ преданной подружкой! Можете на нее положиться вполне!

Оеня опустила глаза и, какъ ни была смугла, густо покраснѣла.

— Ты можешь на нѣсколько времени оставить сегодня скотъ? обратился къ ней дядя.—Онъ не разбѣжится безъ тебя?

Оеня оглянулась по сторонамъ.

— Кажется, нѣтъ... сказала она.— Загородка кругомъ... Только-бы не перескочили черезъ нее овцы... Ну, да Кутька имъ не позволитъ! Сегодня-вѣдь не будемъ выгонять скотину въ поле!

— Въ такомъ случаѣ мы покатаемся сегодня въ лодкѣ. Ты будешь у меня за рулевого!

И всѣ вмѣстѣ они стали спускаться къ морю. На берегу, на пескѣ, склонившись на одинъ бокъ, лежала лодка. Дядя сдвинулъ ее въ воду, поставилъ на ней мачту, усадилъ въ нее Борю и Марочку и усѣлся самъ.

— Ну, Оеня, обратился онъ къ пастушкѣ, — ставь парусъ!

Привычной рукой Оеня поставила парусъ и лодка, какъ птица, помчалась по морю!

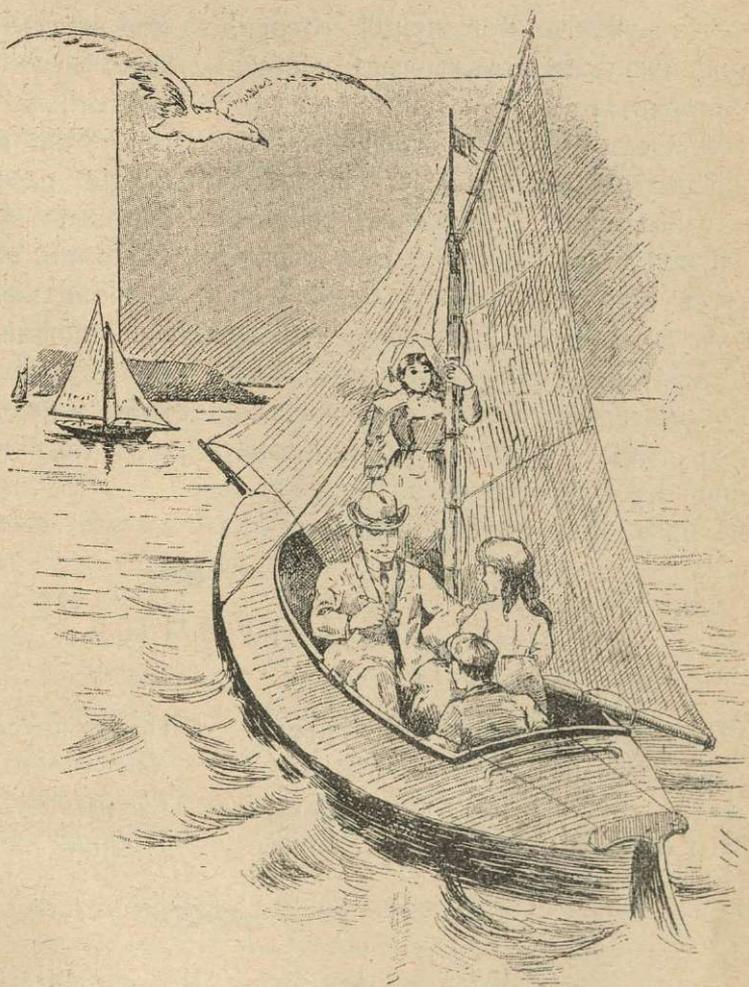
Это была прекрасная прогулка. На темно-голубомъ небѣ не было ни облачка, море было тихо и спокойно и его волны, на которыхъ не было ни единого гребешка, то поднимали лодку, то опускали, и дѣтямъ казалось, что они качались на качеляхъ или были въ люлькѣ.

— Поворачивай назадъ, Оеня! обратился къ дѣвочкѣ хозяинъ, когда накатались уже достаточно. — Поди, дѣтямъ уже хочется ѣсть!

Дѣтямъ дѣйствительно уже хотѣлось ѣсть и они рады были вернуться обратно, но удовольствіе кататься на лодкѣ по морю пересиливало ихъ голодь.

Оеня сдѣлала что-то съ парусомъ, повернула руль и лодка стрѣлою помчалась къ берегу.

— Вы видите, какъ она отлично управляется съ лодкой? обратился къ племянникамъ дядя. — Оеня у меня молодчина! Я увѣренъ, что вамъ скучно съ нею не будетъ!

Привычной рукой Оеня поставила парусъ.

Но Боря и Марочка смотрѣли на нее исподлобья и имъ было непріятно, что у Оени были загорѣлыя руки и лицо, и что на ней не было бархатнаго лифа и кисейнаго передника.

Какая замарашка!

Домой вернулись дѣти полные восторга отъ морской прогулки и тотчасъ-же принялись за ѣду. Тетя не знала, чѣмъ ихъ угостить, и давала имъ то того, то другого, накладывая по полной тарелкѣ.

— Кушайте, мои милые!.. говорила она имъ.—Безъ мамы васъ некому и накормить.

А Оеня вернулась къ своему стаду и испытывала странное чувство обиды и удивленія. Ее удивляло отношеніе къ ней Бори и его сестры, о которыхъ она такъ много слышала отъ ихъ дяди, и ей было дико, что эти петербургскія дѣти, при одномъ только имени которыхъ она привыкла благоговѣть, такъ грубо и недовѣрчиво къ ней отнеслись. Неужели-же на нихъ такъ подѣйствовали ея бѣд-

ное платье, ея грустное, грубоватое лицо и то, что она не знала тѣхъ свѣтскихъ приемовъ, которые знали они? Она не хотѣла этому вѣрить и всякій разъ, завидя ихъ издалека, радостно бросалась имъ на встрѣчу.

Но они попрежнему продолжали ее сторониться и имъ казалось, что если они протянутъ ей руку или сядутъ съ нею рядомъ, то станутъ отъ этого хуже и потеряютъ во мнѣніи другихъ.

И такъ проходили дни за днями.

Эльфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПТИЧКА.

О, птички, гдѣ-же ваше пѣнье?
Ужъ васъ не видно по лѣсамъ,
Въ листьѣ ужъ нѣтъ того движенья,
Что было слышно лѣтомъ намъ.

И все кругомъ вдругъ опустѣло,
Ужъ ночи стали такъ темны!..
О, птичка, гдѣ-ты?—Улетѣла...
Прощай до радостной весны!

Ирисъ.

ПОДКИДЫШЪ.

Романъ Мэргіе.

(Продолженіе).

V.

Анита рѣшается говорить.

На утро, едва вставъ съ постели, Антоніо отправился осматривать поврежденія, причиненныя бурей его театру. Онъ нашелъ въ сборѣ всю свою труппу, которая хлопотала около крыши и старалась ее укрѣпить.

— А какова буря была сегодня

ночью! воскликнулъ Альфредъ, поздоровавшись со своимъ хозяиномъ. Одно время я даже думалъ, что мы горимъ... Всю ночь невозможно было сомкнуть глаза. На сценѣ, гдѣ мы помѣщались, былъ цѣлый потопъ; послѣ второго-же удара грома вода

прорвалась сквозь дыру въ крышѣ и полилась ручьями. Къ счастью, большихъ поврежденій нѣтъ.

Антоніо полѣзъ въ карманъ и досталъ оттуда кошелекъ.

— Бери, Альфредъ! сказалъ онъ. —

— Вотъ вамъ 20 франковъ, которые вы раздѣлите между собою. Это въ счетъ того, что я вамъ долженъ. На этихъ дняхъ у меня будутъ еще деньги и я рассчитаюсь съ вами сполна. Вы ничего не потеряете отъ того, что подождете немного...

— Слушаю, хозяинъ... Сегодня вечеромъ будемъ играть?

— А декорации не пострадали?

— Нисколько, хозяинъ.

— Въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого повода откладывать спектакль.

Всю ночь Ноэль не могъ заснуть. Ему мѣшали буря и то впечатлѣніе, которое произвелъ на него спектакль «Сиротка съ моста Богоматери». И все время у него передъ глазами являлась полная ужаса Анита, изнемогающая подъ ударами старухи и молча глотающая слезы, чтобы еще болѣе не раздражить своей мучительницы. И онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе увидѣть ее вновь, чтобы убѣдиться, что все это былъ сонъ, а не дѣйствительность. И когда наконецъ представился для этого случай и онъ завидѣлъ ее издалека, то пустился бѣжать къ ней со всѣхъ ногъ.

Ноэль. У тебя красные глаза сегодня... Ты плакала?

Анита. Да, Ноэль...

Ноэль [съ глухимъ гнѣвомъ]. Тебя били?

Анита. Нѣтъ. Мнѣ было страшно грозы. Я боялась, чтобы громъ не упалъ прямо на нашъ фургонъ. [Подходя къ нему и боясь сказать]. Ты не передашь дядѣ того, что я тебѣ скажу?

Ноэль. Если хочешь, то не передамъ.

Анита. Значитъ, ты добрый!

Ноэль. Нѣтъ, я просто не хочу, чтобы ты лишній разъ плакала.

Анита. Антоніо сегодня поидетъ въ замокъ.

Ноэль. Попросись у него, чтобы онъ и тебя взялъ съ собою.

Анита. Я не смѣю.

Ноэль. Хочешь, я попрошу за тебя самъ старуху Фемію?

Анита. Нѣтъ, Ноэль... Лучше будетъ, если насъ не будутъ видѣть часто вмѣстѣ. А то подумаютъ, что я тебѣ передаю наши секреты.

Ноэль. Значитъ, это что-нибудь дурное?

Одну минуту маленькая цыганочка была уже готова рассказать Ноэлю все, что ей удалось услышать, но подъ впечатлѣніемъ угрозъ Антоніо, она замаялась и нетвердымъ голосомъ отвѣтила:—

Анита. Да они все ссорятся и говорятъ при этомъ грубыя слова.

Ноэль. Такъ оставь ихъ и уйди!

Анита. А что со мной будетъ?.. Къ тому-же кто возьметъ меня, комедіантку, къ себѣ?

Ноэль. Тетя Марія-Жанна приметъ тебя къ себѣ.

Анита [глубоко вздохнувъ]. Это было бы такъ хорошо для меня!

Друзья.

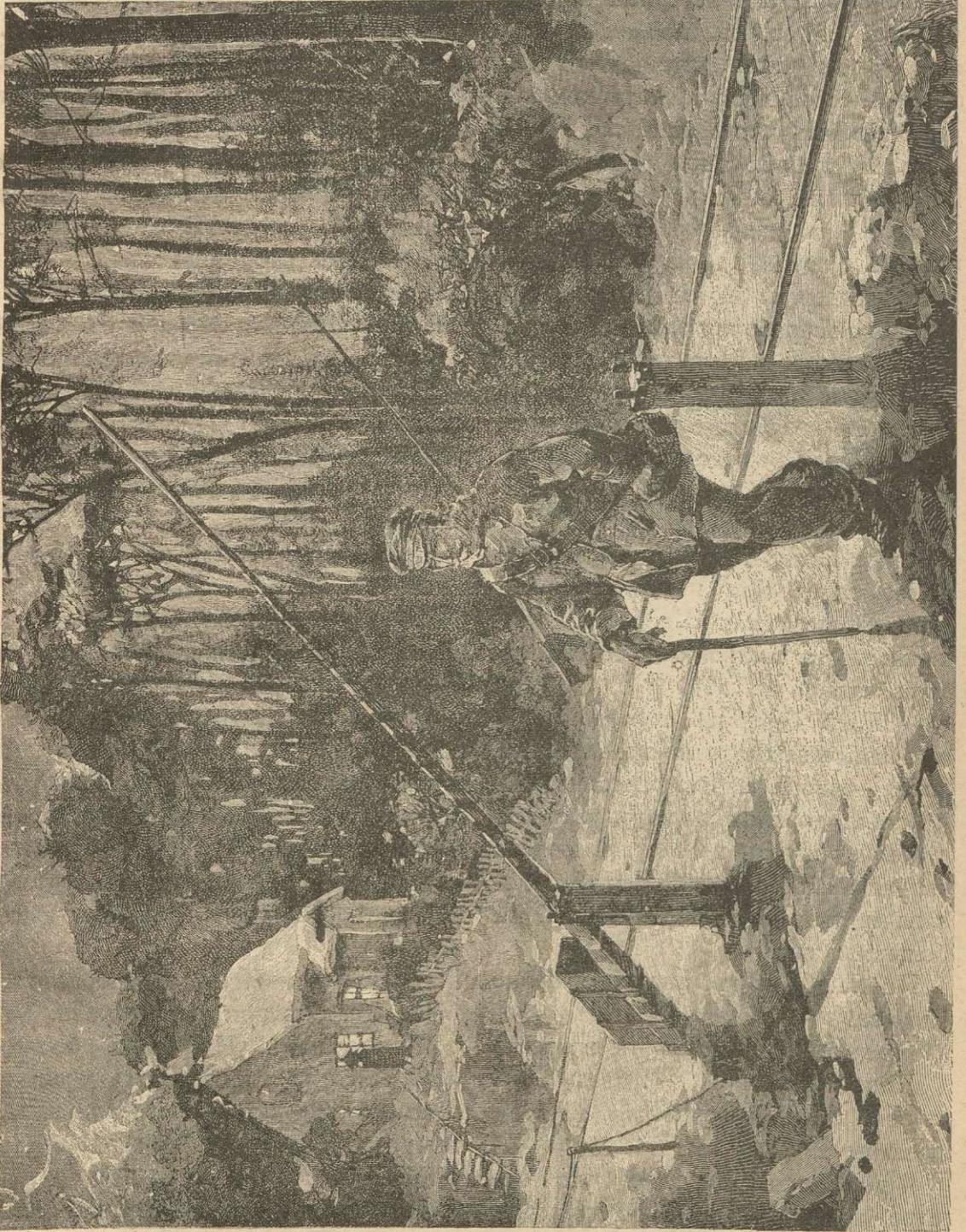
Ноэль. Если хочешь, то я поговорю съ ней о тебѣ!

Анита [живо]. Не теперь... Подожди немного!

Ноэль. Когда вы уѣдете изъ Ле-

невена, то я уже болѣе тебя не увижу... Тогда будетъ поздно!

Анита. Я все равно обращусь къ г-ну Керуэлю, если со мной случится какое-нибудь несчастье!

Железнодорожный сторожъ.

Говоря это, она не могла пересилить въ себѣ легкой дрожи: ей пришли на умъ слова Антоніо, что онъ броситъ ее на дорогѣ, когда они будутъ уѣзжать изъ Ленеvena.

Почему-же она такъ упорно хранила молчаніе о томъ, что ее такъ мучило? Ахъ очень просто: она не боялась побоевъ палкой, которымъ подвергли-бы ее ея хозяйева, если-бы она проболталась, но чувство безконечной деликатности заставляло ее молчать, такъ какъ въ своей наивности она предполагала, что будутъ бить и Ноэля, этого единственнаго ея друга, котораго она впервые встрѣтила въ своей горькой жизни.

Когда Ноэль пришелъ въ замокъ Фелье, то къ нему навстрѣчу выбѣжали Фредерикъ и Шарлотта. Они взяли его за руки и отвели его въ глубь сада.

— Тетѣ Гертрудѣ гораздо легче сегодня, съ важностью сказала Шарлотта,—но она сейчасъ спитъ и мама прислала горничную намъ сказать, чтобы мы играли въ саду. Но отчего ты такой печальный, Ноэль? Здоровали твоя тетя Марія-Жанна? Не больна-ли она?

Ноэль. О, нѣтъ, она совершенно здорова!

Фредерикъ. А самъ ты здоровъ?

Ноэль. Вполнѣ... Правда, мнѣ скучно сегодня немножко, но я не знаю почему.

Фредерикъ. Вѣроятно это отъ бури, которая была нынче ночью.

Ноэль. Очень возможно.

Шарлотта. Ты слышалъ громъ? Онъ такъ гремѣлъ, что я укрылась одѣяломъ съ головой. А потомъ такъ все время блистала молнія, что нельзя было смотрѣть.

Ноэль. При этомъ дулъ такой сильный вѣтеръ, что наши ставни хлопали объ стѣну. Я плохо спалъ. Мнѣ снились страшные сны...

Шарлотта. Это отъ грома.

Ноэль. Нѣтъ... Вчера я съ дядей Томомъ былъ на представленіи.

Шарлотта. Это у той маленькой цыганки, которую мы чуть не раздавили тогда экипажемъ?

Ноэль [печально]. Она такая несчастная...

Шарлотта. Но вѣдь она комедіантка!

Ноэль. Она не доѣдаетъ и не допиваетъ. Мальчишки бросаютъ въ нее камни и она плачетъ только украдкой. А вѣдь она не сдѣлала зла никому!

Шарлотта. Всѣ странствующіе комедіанты злые. Они крадутъ маленькихъ дѣтей.

Фредерикъ. А что ты тамъ видѣлъ?

Ноэль. «Сиротку съ моста Богоматери».

Шарлотта. И было интересно?

Ноэль. Всѣ зрители плакали.

Фредерикъ. Ну, а я больше люблю, когда показываютъ ученыхъ лошадей, которыя пляшутъ подъ музыку. Это гораздо веселѣе. А ты, Шарлотта?

Шарлотта. Мама водила меня смотрѣть Петрушку... Онъ говорилъ,

какъ человѣкъ, и билъ палкой другого прямо по лбу.

Ноэль. Вчера тоже били палкой сиротку.

Фредерикъ. Значитъ, это у большихъ всегда такъ?

Въ это время къ дѣтямъ подошла г-жа Ледюкъ и прервала ихъ разговоръ.

Г-жа Ледюкъ. Въ чемъ дѣло, дѣти? О чемъ у васъ такой важный разговоръ?

Шарлотта. Да вотъ Ноэль рассказываетъ намъ, что онъ былъ вчера съ дядей Томомъ на представленіи!

Фредерикъ. А мы, мама, пойдемъ? Тамъ очень интересно!.. Даже всѣ плакали...

Г-жа Ледюкъ. Конечно, пошли бы, если-бы у нихъ давались дневныя представленія. А то приходится возвращаться со спектакля поздно, вечеромъ, когда дѣтямъ уже давно пора спать. Вѣдь вы всегда ложитесь въ восемь часовъ!

Ноэль. Такъ вы скажите объ этомъ Антонію! Онъ поставитъ комедію и днемъ!

Г-жа Ледюкъ. Кто этотъ Антонію?

Ноэль. Хозяинъ театра. Онъ придетъ къ вамъ сегодня лично благодарить васъ за ваши деньги.

Шарлотта. Тогда пусть онъ покажетъ намъ свои представленія вотъ на этой лужайкѣ!

Фредерикъ. А что если вмѣстѣ съ нимъ пригласить и маленькую цыганочку?

Шарлотта. Я подарю ей мои старыя платья, а то она ходитъ въ лохмотьяхъ и несчастна.

Фредерикъ. Мамочка, пусть Антонію покажетъ намъ фокусы съ нашимъ Бириби! Помнишь, какъ мы были съ тобой въ циркъ и тамъ клоунъ на всемъ скаку перепрыгивалъ съ лошади на осла и съ осла на лошадь?

Г-жа Ледюкъ. Да умѣетъ-ли онъ все это дѣлать? Во всякомъ случаѣ я постараюсь передать ему всѣ ваши желанія, а чтобы ему было не скучно ихъ исполнять, я заплачу ему за его труды прямо деньгами.

Ноэль. Онъ съ удовольствіемъ приметъ ихъ отъ васъ, потому что только недавно жаловался, что у него ихъ нѣхъ. Онъ такъ нуждается въ деньгахъ.

И, все еще продолжая этотъ разговоръ, г-жа Ледюкъ съ дѣтьми отправилась въ паркъ и скоро скрылась въ его глубинѣ.

Антонію сдержалъ свое слово. Ровно въ два часа дня онъ уже позвонилъ у парадной калитки. Его звонокъ былъ слышенъ на дворѣ и ему отвѣтилъ своимъ неприятнымъ крикомъ Бириби. Предупрежденный еще заранѣе о возможномъ приходѣ содержателя театра, кучеръ отворилъ ему калитку и содержатель вошелъ.

За нимъ слѣдовала Анита, вся въ смущеніи и опустивъ глаза.

Прежде чѣмъ ввести гостей въ заль, кучеръ Жанъ побѣжалъ доложить о нихъ хозяйкѣ. Воспользовавшись его

отсутствіемъ, Антоніо осмотрѣлъ ту комнату, въ которой его оставилъ Жанъ. Здѣсь онъ убѣдился, что дверь, выходящая въ садъ, отпиралась очень легко.

При первомъ-же взглядѣ на мебель, картины и на шкафчики, наполненные разными рѣдкостными вещами, онъ пришелъ къ убѣжденію, что владѣльцы замка были богаты. И странная улыбка появилась вдругъ у него на лицѣ.

Анита неподвижно стояла посреди комнаты, пораженная роскошью обстановки, которой она даже себѣ и не представляла никогда.

И еще долго оба они стояли, каждый со своими мыслями, когда вошла вдругъ г-жа Ледюкъ и прервала это ихъ молчаніе. Она ласково привѣтствовала ихъ и протянула имъ руку.

— Мнѣ очень жаль, г-нъ Антоніо, сказала она,—что Жанъ заставилъ васъ ждать однихъ въ этой уютной комнатѣ. Онъ легко могъ-бы провести васъ прямо въ садъ, гдѣ я сейчасъ находилась вмѣстѣ съ дѣтьми.

Антоніо. Вы очень добры, сударыня... Я пришелъ поблагодарить васъ за вашу любезность.

Г-жа Ледюкъ. Не стоитъ объ этомъ говорить... Я рада, что это дало вамъ поводъ пожаловать къ намъ въ замокъ, такъ какъ мы имѣемъ къ вамъ просьбу...

Антоніо [очень вѣжливо]. Къ вашимъ услугамъ сударыня.

Г-жа Ледюкъ. Ноэль съ такимъ увлеченіемъ разсказалъ намъ о ва-

шемъ вчерашнемъ спектаклѣ, что мои дѣти не даютъ мнѣ теперь покоя и все просятъ, чтобы я показала имъ ваши представленія. Къ сожалѣнію, слишкомъ поздній часъ, въ который они оканчиваются, не даетъ мнѣ возможности исполнить ихъ желаніе...

— Вы очень добры, сударыня...

Антоніо. Я понимаю, сударыня. Дѣло идетъ о томъ, чтобы позабавить и развлечь дѣтшекъ... Я знаю, какъ это сдѣлать. Не мнѣ, конечно, говорить о томъ, какой я артистъ, но я весь къ вашимъ услугамъ.

Г-жа Ледюкъ. Благодарю васъ, только вотъ у насъ нѣтъ сцены...

Антоніо. А эта зеленая поляна передъ домомъ? Да вѣдь это лучше всякаго ковра и лучше сцены! Къ тому же у васъ есть, кажется, и осель? Я слышалъ сейчасъ, какъ онъ ревелъ. Мы съ нимъ будемъ большими друзьями. Я вѣдь, сударыня, служилъ раньше въ циркѣ Фернандо въ качествѣ клоуна и потому отлично знаю, какъ и чѣмъ позабавить ребятъ.

Г-жа Ледюкъ. Вы доставите нашимъ дѣтямъ большое удовольствіе... [Указавъ на Аниту]. А эта дѣвочка?

Антоніо. Она тоже играетъ въ моей труппѣ и выступаетъ каждый вечеръ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ

она даже танцуетъ на канатѣ. Въ такомъ случаѣ я явлюсь къ вамъ, сударыня, завтра со всѣми своими принадлежностями для представленія. Можно?

Г-жи Ледюкъ. Вы предупреждаете мой желанія... Долго вы еще останетесь въ Леневицѣ?

Антонио. Около шести дней, мадамъ. Отсюда мы отправимся прямо

Однимъ прыжкомъ бывшій клоунъ вскочилъ на осла...

на ярмарку въ Лоріанъ. Это будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ проживаться здѣсь...

Г-жа Ледюкъ. Въ такомъ случаѣ я приглашаю васъ на всѣ эти шесть дней. А какъ ваша цѣна?

Антонио. Сколько пожалуете, мадамъ, это зависитъ отъ васъ...

Г-жа Ледюкъ. Смотрите, не прогадайте, вы вѣдь не знаете, какъ я скупа... Но не пойти-ли намъ къ дѣ-

тямъ? Они знаютъ, что вы здѣсь, и стораютъ отъ нетерпѣнія узнать о результатѣ нашихъ переговоровъ.

При видѣ Антонио Шарлотта и Фредерикъ захлопали въ ладоши. Вся красная отъ волненія и не смѣя поднять глазъ, Анита стояла сбоку своего директора театра. Она чувствовала себя неловко...

Ноэль смѣло взялъ ее за руку и подвелъ ее къ Шарлоттѣ.

— Можно ей играть съ нами? обратился онъ къ ней съ вопросомъ, но сказала это такимъ тономъ, что Шарлотта сейчасъ-же взяла дѣвочку за другую руку.

— Ну, конечно! отвѣчала она.— Фредерикъ тоже будетъ очень радъ.

— Это вѣрно! отозвался и Фредерикъ.— Чѣмъ больше народу, тѣмъ веселѣе играть!

А тѣмъ временемъ, по просьбѣ Антонио, пошли за осломъ Бириби. Точно предчувствуя, что ему тоже придется принять участіе въ представленіяхъ, длинноухое животное шло неохотно и упиралось. Но однимъ прыжкомъ бывшій клоунъ вскочилъ на осла задомъ напередъ, схватилъ его за хвостъ и сталъ носиться на немъ по лужайкѣ и говорить глупости, какъ это дѣлаютъ клоуны въ циркахъ.

Видя беспорядочные прыжки Бириби и его старанія сбросить съ себя непрошеннаго всадника, дѣти хохотали до слезъ. Признавъ затѣмъ себя побѣжденнымъ, осель послушно сталъ исполнять всѣ приказанія своего сѣ-

дока. А когда такое неожиданное представленіе окончилось, то бѣднаго Бириби, всего въ мылѣ и разбитаго и усталаго, свели обратно въ конюшню.

— Но постоитъ... вспомнилъ вдругъ Антоніо.—Гдѣ-же моя дѣвочка?

— Не тревожьтесь за нее, успокоила его г-жа Ледюкъ,—она здѣсь.

И, дѣйствительно, Анита спускалась въ это время съ лѣстницы замка, въ сопровожденіи Шарлотты, и такъ вдругъ преобразилась, что ея нельзя было узнать. Тронутая жалостью къ ней и съ разрѣшенія г-жи Ледюкъ, горничная одѣла ее съ ногъ до головы въ платьѣ Шарлотты. Связавъ всѣ свои лохмотья въ узелокъ, она положила его у входа, чтобы передать его затѣмъ Антоніо.

А Антоніо стоялъ въ смущеніи при видѣ этой перемѣны, которая произошла вдругъ въ Анитѣ. Она положительно стала неузнаваемой и благородствомъ такъ и сіяло ея лицо.

— Простите, сударыня, забормоталъ Антоніо, обращаясь къ г-жѣ Ледюкъ и вертя шляпу въ рукахъ,—но меня даже смущаетъ такая ваша безграничная доброта. Что, еслибы всѣ богатые люди были такіе-же, какъ и вы?

И испустивъ глубокій вздохъ, полный лицемѣрія, онъ прибавилъ:—

— Тогда-бы не было на свѣтѣ недобрыхъ людей!

Затѣмъ онъ обратился къ Анитѣ.

— Ну, Анита, сказалъ онъ,—теперь наша мать Фемія будетъ довольна... Пойдемъ-ка къ себѣ домой и расска-

жемъ ей, какъ всѣ въ замкѣ Фелье были къ намъ добры!

— Не забудьте-же, обратилась къ нему г-жа Ледюкъ,—что завтра мы на васъ рассчитываемъ!

— Да, да, отвѣтилъ ей Антоніо,—обязательно завтра, въ это-же самое время!

И онъ сталъ кланяться своей худощавой и костлявой фигурой. Г-жа Ледюкъ сунула ему въ руку денегъ и хотя это была не такая сумма, какъ наканунѣ, тѣмъ не менѣе Антоніо остался ею очень доволенъ.

Какъ и въ прошлый разъ, Антоніо и старуха усѣлись затѣмъ за тотъ-же самый столъ, а Анита, чтобы не навлечь на себя подозрѣній, сослалась на то, что устала и очень хочетъ спать, а сама спряталась за перегородку и снова стала наблюдать.

Сердечный пріемъ, который былъ оказанъ ей въ замкѣ и деликатная щедрость Шарлотты тронули ее до глубины души. Она не знала, чѣмъ и какъ выразить всѣмъ въ замкѣ свою благодарность, и въ особенности Ноэлю. И поэтому она рѣшила, во что бы то ни стало, помѣшать Антоніо и старухѣ выполнить ихъ злые замыслы по отношенію къ ея новымъ друзьямъ.

Но какъ это сдѣлать? Что для этого предпринять?—она еще не знала. И она рѣшила выждать и слушать.

А оба сообщника между тѣмъ чуть не шопотомъ вели слѣдующій разговоръ:—

Старуха. Ну? Какое впечатлѣніе произвелъ на тебя замокъ Фелье?

Антоніо. Превосходное! Жаль только одно...

Старуха. Что именно?

Антоніо. А то, что у меня очень мало мужчинъ въ труппѣ, а то мы разграбили-бы весь замокъ. У меня положительно обливается сердце кровью при одной только мысли о томъ, что придется оставить тамъ массу разныхъ вещей, которыя стоятъ громадныхъ денегъ!

Старуха. Когда ты пойдешь туда опять?

Антоніо. Завтра и вообще всѣ дни, пока мы здѣсь.

Старуха [съ живостью]. Смотри, не возбуди подозрѣній!

Антоніо. Сама хозяйка принимаетъ меня съ распростертыми объятіями, такъ какія ужъ тутъ подозрѣнія! Судьба намъ покровительствуетъ. И я буду большимъ дуракомъ, если не съумѣю ею воспользоваться.

Старуха. А Анита ни о чемъ не догадывается?

Антоніо. Она только и думаетъ теперь, что о дѣтяхъ. Ты вѣдь видѣла, сколько тряпокъ подарила ей Шарлотта?.. И какъ ей было не жаль?.. Впрочемъ, это платье ей и самой было не нужно... А посмотрѣла-бы ты на Аниту, когда она была въ замкѣ!..

Старуха. Во всякомъ случаѣ будь остороженъ. Въ особенности съ дѣтьми!.. Не довѣряйся имъ очень!

Антоніо. Вотъ чепуха-то! Ихъ всегда можно заставить молчать!.. Но я опять повторяю тебѣ: опасаться не-

чего. Кромѣ тебя о моихъ замыслахъ не знаетъ ни одна живая душа.

Старуха. А когда ты думаешь приняться за дѣло?

Антоніо. Да вотъ подожди немного, надо еще изучить всѣ ходы и выходы въ замкѣ.

Старуха. А Альфредъ?.. Ты посвятишь его въ это дѣло?

Антоніо. Да, только въ тотъ самый день, какъ будемъ воровать. А то иначе онъ все украдетъ не для меня, а для себя.

Старуха. Это вѣрно.

Антоніо. Поэтому не бойся ничего. Это будетъ мой послѣдній подвигъ, а затѣмъ мы съ тобой уѣдемъ куда-нибудь подальше, гдѣ жизнь подешевле, и будемъ жить тамъ на проценты съ украденнаго.

Старуха. А если тебя застанутъ на мѣстѣ преступленія?

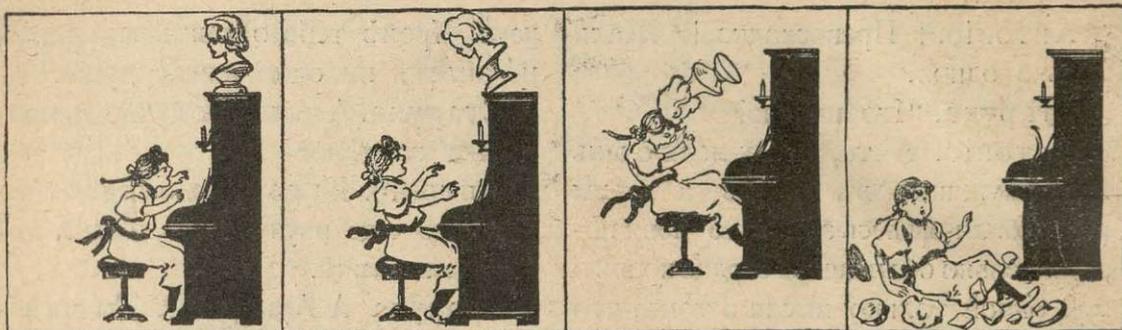
Антоніо. Тогда я съумѣю откупиться отъ нихъ.

Старуха. Чѣмъ-же именно?

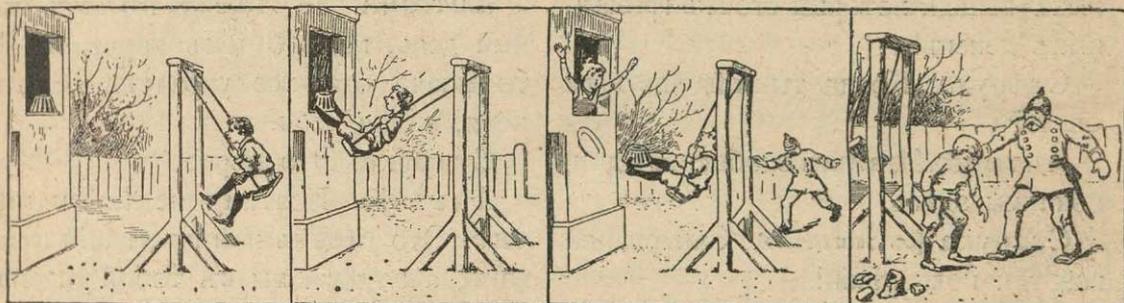
Антоніо. Я украду ихъ Шарлотту и возвращу имъ ее только тогда, когда они дадутъ мнѣ обязательство, что оставятъ меня въ покоѣ.

Послѣ этихъ словъ голосъ Антоніо сталъ еще болѣе тихимъ и бѣдная Анита уже не могла болѣе ничего услышать. Она упала на свою кучку старой соломы и отъ волненія едва могла дышать. Ея душа была чиста и наивна и она даже и мысли не могла допустить о томъ, чтобы предать своихъ новыхъ друзей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣвочка плохо играла сонаты Бетховена и его бюстъ ей за это отомстил.

Грустная исторія безъ словъ.

РЪШЕНІЕ АРИОМОГРАФА № 8:

Слива, весло, ворона, картина, сирота, татаринъ, тетеревъ, трико, Вавилонъ, вилка, карета, Саратовъ, слонъ. Задуманное слово — Екатеринославъ.

РЪШЕНІЕ ГОЛОВОЛОМКИ ИЗЪ № 16-го.

Ермакъ Тимофеевичъ завоевалъ громадное Сибирское царство.

РЪШЕНІЕ ШАРАДЫ № 13:

Оса + да = осада.

РЪШЕНІЕ РЕБУСА № 8.

Не + ужъ + ели + тру + дно + ре + б + усы + разъ + гады + въ а ть = Неужели трудно ребусы разгадывать?

Впримѣръ рѣшенія прислали: Леля и Галя Дыховы изъ Сызрани, Кирикъ Синельниковъ изъ Павлограда, Ксенія Слезкинская изъ Новгорода, Ната Дитяткина изъ Новгорода, Катя Чеснокъ изъ Любани, Боря Лозинскій изъ Кеммерна, Женя Хорватъ изъ Двинска, М. Дмитриева изъ

Ц.-Села, Валя Гавриловъ въ Спб., Нина Балѣва изъ Ростова-на-Дону, Шура Чернятинская, Коля Григорьевъ изъ Кологрива, Софія Мамврийская изъ Грознаго, Гриша Годикъ со ст. Фастово, Коля Титовъ изъ Кронштадта, Нюра, Вѣра и Боря Заварзины изъ Выборга, Лиллоша Гаврилова изъ Кронштадта, Витя Квѣцинскій изъ Ставрополя Кавк., Надя Сердюкова изъ Тифлиса, Миша Апраксинъ изъ Камышны, Ольга Меримская изъ Килин, Анна Пинчевская изъ Кишинева, Юлія Пяткова изъ Харькова, Боря Димантиди изъ Таганрога, Андриуша Федотовъ — донской казачокъ изъ Новочеркасска, Жоржикъ Новицкій изъ Севастополя, Петя и Вася Золотаревы изъ Новогеоргиевска, Коля Пѣвцовъ изъ Грехухи, Зиночка и Лидочка Михайловы въ Спб., Катя Сербова изъ Кронштадта, Василій Штіопуло на ст. Кишиневъ, Оля и Маня Кирпотины изъ Екатеринослава, Аня и Зина Орловскія изъ Таганрога, Елизавета фонъ-Реймеръ изъ Екатеринослава, Коля Даниловъ изъ Саратова, Николай Баскаковъ изъ Сестрорѣцка, Грета Соломатина, В. Пазухинъ — кадетъ Суворовцевъ, Женя Постникова, Борисъ Максимовъ изъ Ораніенбаума, Андриуша Петровъ изъ Череповца, Шура фонъ-Дрентельнъ въ Спб., Юрій и Людмила Сидорскіе со ст. Максатиха, Сеня Мійкулайненъ въ Спб., Хая и Маня Кагановы въ Б.-Александровкѣ, Вѣра Львова въ Череповцѣ, Рая Ардабацкая въ Спб., Мстиславъ Ивановъ въ Асхабадѣ, Поля Апраксинъ въ Камышнѣ, Миша Колбасевъ въ Гатчинѣ, Ал. Куренковъ въ Спб., Шуручка Попова въ Бугурасланѣ, Вѣра Волкова, О. Игнатишева въ Харьковѣ, Л. Григорьева, Ника де-Рошефоръ въ Спб.

